

В. Н. Мамяченков*

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ГРАЖДАН, ВРЕМЕННО ОКАЗАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, В 1945–1946 ГОДАХ: ЧТО ГОВОРЯТ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

*Владимир Николаевич Мамяченков

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, доктор исторических наук; mamyachenkov@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с жилищно-бытовыми условиями защищенных категорий граждан в период непосредственно после окончания Великой Отечественной войны. Делается акцент на том, что условия их быта и проживания были наиболее тяжелыми. Источниковой базой стали архивные материалы из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Свердловская область, жилищно-бытовые условия, репатриированные и вербованные граждане.

Проблемы, связанные с жилищно-бытовыми условиями проживания граждан, в той или иной мере характерны для любого государства. Но именно «в той или иной мере». Для страны же, каковой был Советский Союз, предшественник современной Российской Федерации, это была проблема из проблем. (Правда, руководители той страны никогда не признавали ее первостепенной.) Но если до Великой Отечественной войны ситуация еще могла считаться относительно терпимой, то в военные годы она приобрела просто катастрофический характер и сохранилась таковой в послевоенные годы.

Естественно, что особенно острым положение было непосредственно после окончания войны. Подтверждением тому служит большое количество документов, хранящихся в фондах одного из крупнейших архивов Среднего Урала – Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Вот, например, что писал секретарь Карпинского городского комитета

партии Лопатин в своей докладной записке от 8 мая 1946 года на имя руководителя области – первого секретаря областного комитета ВКП(б) В. И. Недосекина:

«<...> В военный период предприятия нашего города получали рабочую силу **по мобилизации** (выделено нами – *В. М.*) из различных районов Советского Союза. Так как в это время главное внимание обращалось на увеличение добычи угля и совершенно недостаточно на жилищно-бытовые условия, то ни один вопрос бытового обслуживания населения у нас в городе не решен. Не хватает жилья – сейчас у нас на двух- и трехъярусных нарах проживает до пяти тысяч рабочих. Нет водопровода, разрушается хлебозавод, не построена больница.

Сейчас настало время, когда законы военного времени и военный режим на предприятиях, видимо, скоро будут отменены, и закрепить рабочих нужно созданием им лучших материально-бытовых, жилищных условий и улучшением культурного обслуживания.

Однако хозяйственные органы все вопросы улучшения быта людей решают очень медленно, и если будет так продолжаться, то в 1946 году особенного улучшения не наступит»¹.

Вышеприведенная цитата требует пояснений.

Во-первых, сама дата написания записки вызывает удивление: ведь после окончания войны прошел целый год, а руководитель города только еще начинает робко рассуждать о необходимости улучшения материально-бытовых условий управляемых им граждан.

Во-вторых, что значит речевой оборот «<...> получали рабочую силу по мобилизации из различных районов Советского Союза»? А означает он то, что в годы войны население Карпинска стремительно возросло, причем, прежде всего, за счет в основном трех категорий: эвакуированных граждан, военнопленных и заключенных исправительно-трудовых лагерей. Действительно, если в 1939 году численность населения города составляла около 19 тысяч человек [5, с. 65], то в 1959-м – уже более 49 [2]. При этом можно не сомневаться, что в годы войны последняя цифра была еще больше.

Наконец, в-третьих, интерес вызывает численность находившихся практически в черте Карпинска «населения» лагерей, которая нашла свое отражение в работах известных уральских историков В. М. Кириллова и В. П. Мотревича. Так, первый автор сообщает, что в 1941–1945 годах через Богословлаг прошло 70610 человек заключенных-граждан СССР [3]. Второй автор приводит цифру умерших военнопленных лагеря № 504 с 1945 по 1949 годы: 205 человек [4]. Поэтому мы, исходя из цифр средней смертности военнопленных в советских лагерях, оцениваем

общую численность прошедших через данный лагерь пленных примерно в 2500 человек.

То, что жилищно-бытовые условия населения Карпинска в первые послевоенные годы были, мягко говоря, неудовлетворительными, говорят многие документы. Вот что, например, писали заведующий оргинструкторским отделом того же Карпинского горкома партии Чертов и информатор (так в тексте – *В. М.*) Глушкова в своем информационном письме в инструкторский отдел того же Свердловского обкома партии:

«<...> Всего в Карпинске 127 общежитий (!) (знак наш – *В. М.*), где проживает 9230 человек. Проживающие рабочие в этих общежитиях **постельными принадлежностями и необходимым инвентарем обеспечены** (выделено нами – *В. М.*). Количество постельной принадлежности и инвентаря по общежитиям следующее:

Одеял – 1158
Простыней – 25861
Наволочек – 22361
Полотенец – 6634
Наматрачников – 14586
Кроватей железных – 42000
Столлов – 1300
Стульев – 4644
Тумбочек – 2271»².

Здесь мы прервемся, чтобы обратить внимание читателей на очевидное противоречие в вышеприведенном отрывке. Действительно, утверждение об обеспеченности рабочих «постельными принадлежностями и необходимым инвентарем» никак не «стыкуется» с приведенными тут же цифрами. А они говорят о том, что в упомянутых общежитиях приходилось (в среднем, конечно) всего одно одеяло на 8 человек и 0,7 поло-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 148. Л. 55.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 148. Л. 1.

тенца на одного. Явно не хватало и мебели: личную тумбочку мог иметь только каждый 4-5-й проживающий, а один стул приходилось делить на двоих.

Тем не менее далее в упомянутом письме описывается вроде бы вполне удовлетворительная (по мнению авторов письма) обстановка:

«Неплохо созданы бытовые условия для рабочих вскрышного разреза <...> Рабочие полностью обеспечены постельными принадлежностями <...> Белье меняется через каждые 10 дней. В общежитиях всегда имеется сырая и кипяченая вода <...> Красные уголки хорошо оборудованы лозунгами, портретами (надо полагать – руководителей государства – *В. М.*), имеются подшивки газет, журналов. В 6-ти общежитиях (из 20-ти – *В. М.*) имеются радиоприемники.

<...> Все свое свободное время рабочий может хорошо провести в красном уголке. Здесь он может играть в шахматы, шашки, домино, может послушать лекции, доклад, беседу. Только в общежитии № 8 за 9 мес. 1946 года проведено 14 лекций, 22 беседы, 18 докладов (дружба и товарищество, сила воли и характер советского человека, о Нюрнбергском процессе)»¹.

Правда, на этом описание «достижений» в сфере жилищно-бытовых условий в рабочих общежитиях заканчивается. Далее авторы письма переходят к «отдельным недостаткам»:

«<...> Хуже созданы бытовые условия для рабочих Угольского лесозавода, начальник т. Кожевников, секретарь партийной организации т. Кузнецов. Лесозавод имеет два общежития, где проживает 140 человек. Общежития к зиме не готовы, воду и дрова приходится таскать самим рабочим с места

работы. Кипяченой воды нет. Отсутствуют в общежитиях сушилки, кухни, прачечные. В общежитиях грязно, в большинстве комнат нет света, радио. Белье меняется один раз в месяц. В красном уголке как культурно-массовой, так и политико-массовой работы нет. Портретов, лозунгов в красном уголке не имеется. Во всех комнатах общежитий лесозавода совершенно нет портретов.

Не лучше созданы бытовые условия рабочим на предприятии Жилтреста – управляющий т. Беликов, секретарь партийной организации т. Свалов <...> Ввиду того, что жилплощади не хватает, в отдельных комнатах проживает по пять семей, причем в семьях 2-3 ребенка.

Вследствие такой сплоченности (так в тексте – *В. М.*) в комнатах грязно, имеются клопы. Дезинфекция бывает редко. В имеющемся красном уголке проживают рабочие, а поэтому культурно-массовая работа отсутствует».

В приведенном отрывке особенно впечатляет озабоченность авторов отсутствием в комнатах общежития и в красном уголке портретов и лозунгов. Похоже, это интересовало их больше, чем совершенно безобразные условия проживания жильцов.

Но, пожалуй, самые тяжелые условия проживания были у граждан, завербованных для работы на промышленных предприятиях, а также у репатриированных. В этой связи мы приведем два архивных документа из фонда Свердловского обкома партии ЦДООСО.

Первый – справка «О результатах расследования фактов, указанных в коллективном письме репатриированных граждан, проживающих на Строкинском мехлесопункте треста "Алапаевскдревмет"»:

«Из редакции газеты «Правда» на имя тов. Андрианова (секретаря обкома партии – *В. М.*) поступило письмо репатриированных

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 148. Л. 1.

Строкинского мехлесопункта треста «Алапаевскдревмет», в котором они жалуются: на плохой прием со стороны начальника мехлесопункта тов. Дук, на отсутствие медицинского обслуживания, на отсутствие культурно-массовой работы, газет, литературы, на плохое питание и **нечеловеческое** (выделено нами – В. М.) отношение к ним со стороны администрации.

При проверке на месте указанные в письме факты полностью подтвердились. 3 октября 1945 года в распоряжение Строкинского мехлесопункта были направлены репатриированные из Германии в количестве 84 человек. Прибывшие люди были размещены в бараках 42-го квартала, которые для приема людей были совершенно не готовы: в бараках находились лишь железные койки без постельных принадлежностей, столовая была не оборудована, людям приходилось ждать по несколько часов, когда их обслужат, так как пропускная способность столовой крайне мала, кормили в несколько очередей, качество обедов низкое, в таком положении находились люди в течение трех дней.

После санитарной обработки из-за отсутствия белья люди вынуждены надевать белье и одежду, в которой приехали. Неудовлетворительный прием репатриированных вызвал недовольство у последних, они отказались от получения поступившей постельной принадлежности и спецодежды, настаивая на том, чтобы их отправили обратно в Алапаевск.

Начальник мехлесопункта тов. Дук заявил: «Приехали какие-то бандиты <...> и если будете себя так вести, так за проволоку попадете».

<...> В ноябре месяце репатриированных перевели на Кыртымский лесоучасток в бывшую зону для военнопленных. Положение с материально-бытовым и культурным обслуживанием

рабочих на новом месте не изменилось. Большинство рабочих – одиночки и живут в общежитиях. Общежития грязные, неблагоустроены, жесткого инвентаря недостаточно, постельное белье меняется один раз в полтора месяца, сушилки для одежды и обуви не оборудованы, дезокамеры нет, дезинфекция общежитий не производится, что способствует распространению клопов. Из-за отсутствия сушилок, смены верхней одежды и обуви рабочие на следующий день выходят на работу в сыром обмундировании.

Поступившую ранее обещанную репатриантам мануфактуру в количестве 105 метров выдали сотрудникам конторы и ОРСа (отдел рабочего снабжения – В. М.), а имеющиеся у рабочих ордера на промтовары остались неотоваренными.

Помещение, в котором живут рабочие из колхозов, не имеет рам, в нем холодно, грязно. Запаса дров в общежитиях нет.

Столовая на лесоучастке (Кыртымка) не оборудована из-за отсутствия доброкачественной и в достаточном количестве посуды, а также посадочных мест, рабочим приходится затрачивать на столовую 2-3 часа в день. Обеды в лес не доставляются, так как нет теплого помещения. Продуктами питания столовая полностью не обеспечена, продуктовые карточки и талоны дополнительного питания за 1945 год у большинства рабочих не отоварены. ОРС треста «Алапаевскдревмет» имеет задолженность по продуктам питания рабочим мехлесопункта за 1945 год: мяса – 1820 кг, жиров – 1365 кг, сахара – 1540 кг, крупы – 1800 кг.

В момент проверки на складе столовой обнаружено: муки – 100 кг, мяса – 200 кг, крупы и лапши – 16 кг, сахара и конфет – 60 кг, в то время как завтраки, обеды и ужины рабочих готовятся крайне недоброкачественно и в малом количестве.

Рабочие, мобилизованные из колхозов на лесозаготовки, продуктами питания в декабре 1945 года и в январе 1946 года не обеспечены, что создает угрозу дезертирства последних.

С ноября месяца 1945 года задерживается выплата зарплаты рабочим.

Инструктор организационного отдела обкома ВКП(б) /Касаткин/»¹.

Приведенный нами текст дает наглядное представление о том, как нередко встречала Родина своих сынов и дочерей, возвращающихся из-за рубежа, где последние оказывались, кстати, в большинстве случаев не по своей воле. Из процитированного документа вырисовывается возмутительная картина тотального равнодушия и коррупции местных властей. Отметим и такой важный момент: «местные» советские граждане, как правило, не жаловались на произвол и лишения из-за опасения возможных ответных репрессий со стороны властей. А вот репатриированные из европейских стран граждане осмелились сделать это. Отсюда можно сделать два логических вывода. Первый – это то, что внутренне они были более свободны и не хотели мириться с вопиющими безобразиями, с которыми столкнулись, приехав на Средний Урал. Второй же вывод – условия их проживания и работы на германский рейх в странах Европы были гораздо лучше, чем на Родине.

Кстати, письмо-жалоба репатриированных граждан в данном конкретном случае имело свои позитивные последствия: решением Синячихинского райкома партии начальник Строкинского мехлесопункта Дук был снят с работы «за бездушное отношение к бытовым нуждам рабочих», а секре-

тарь партийной организации Корченкин получил выговор².

К сказанному следует также добавить, что репатриированные граждане, возвращаясь на Родину, не имели выбора, их желания просто никто не спрашивал. Практически это было принудительное перемещение, о чем хорошо рассказал в своей книге Борис Витман, советский гражданин, волею судьбы оказавшийся в годы Второй мировой войны на территории Третьего рейха, где активно занимался антифашистской деятельностью. Поверив советской пропаганде, призывавшей всех граждан СССР безбоязненно вернуться домой, он добровольно согласился на это. Вот как он описал то, что происходило с ним дальше:

«Ну и путешествие: снова «телячий» вагон, разделенный на три части перегородками из колючей проволоки; два голых загона: справа и слева – без нар, для репатриантов; посередине пространство для двух конвоиров <...> Путь предстоял долгий <...> Невыносимая духота (август месяц), постоянная жажда. Воду давали два раза в день, по ведру на вагон. Кружек не было, пили из ведра. Вскоре началась повальная дизентерия <...> В нашем вагоне уже каждый день кто-нибудь умирал от дизентерии. Умерли почти все иностранцы – с непривычки к таким скотским условиям. Наши оказались куда устойчивее <...> Вот так мы и прибыли в Одессу» [5, с. 185-187].

Не менее драматично происходила и встреча «на родной земле»:

«За недели в пути мы разучились ходить. Старшина, который вызывал нас по списку, помог мне выбраться из вагона <...> Старшина объявил:

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 148. Л. 38-40.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 148. Л. 4.

– Товарищи! (Тут было от чего вздрогнуть)... – Вы ни в чем не виновны. Извините, что пришлось вам помучиться в дороге. (Извинились перед живыми – покойники были непритязательны, а их было около трети.) Скоро пойдете по домам, а пока вы зачислены в трудбатальон. (Час от часу не легче!) Стране нужен уголь. Поработаем на восстановлении шахт Донбасса!» [5, с. 187]

Условия же, в которых Б. В. Витману пришлось далее жить и работать, очень напоминали те, в которых пришлось начинать свою жизнь на уральской земле репатриантам, попавшим на Строкинский мехлесопункт:

«Работали без выходных дней по десять-двенадцать часов в сутки при очень скудном питании. Жили в бараках, кишастых клопами. Такое огромное количество этих паразитов трудно было даже представить. Они были здесь полными хозяевами, а мы временными, бесправными поселенцами» [5, с. 188].

В завершение приведем еще один документ – справку «О бытовом устройстве вербованных рабочих на Дегтярском руднике», направленную первому секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В. И. Недосекину, в которой также приводятся многочисленные факты отвратительного (по сути – преступного) отношения администрации упомянутого рудника к рабочим:

«По состоянию на 1 ноября 1946 года на Дегтярский рудник прибыло 1199 человек рабочих, завербованных в Воронежской области по нарядам Министерства цветной металлургии.

В числе их прибыло 420 человек с семьями. Из прибывших сбежало с рудника 98 человек. Проверкой установлено, что управляющий Дегтярским рудником тов. Малкин не подготовил жилье для вновь прибываю-

щих рабочих и не обеспечил их минимально необходимыми условиями.

Общежития № 53 и № 40, где размещены одинокие рабочие, не обеспечиваются отоплением с начала осени до сего времени. К общежитиям вода не подводится, полы не моются, нет тазов, ведер, бачков, нет тумбочек, табуреток. В женском общежитии № 40 в комнатах живет по 25 человек. Постельное белье не меняется в течение 2-3 месяцев, рабочие не получают мыло и не моются, личное белье не стирается, люди обовшивели. У общежития № 53 нет уборной. Вновь прибывший комсомолец т. Бородин говорит: «Пятого октября нас прибыла партия 130 человек, никто нас не встретил, в течение 7 дней мы не получали никакого питья. С 12 октября, после оформления на работу, до сего времени не прикреплены к столовой и не получаем горячей пищи. По этому вопросу мы обращались к тов. Малкину за помощью, но он нам не помог. Из этой партии многие убежали с рудника».

Демобилизованные из армии т.т. Киселева и Бакалова – обе награжденные медалями, заявляют, что на фронте в боевой обстановке они чувствовали постоянную заботу о себе, имели возможность мыться, менять белье и быть сытыми, а на руднике, работая в шахте, ходим грязные, полуголодные, спим в грязных постелях, в холодных бараках. В общежитиях нет комнат хранения личных вещей, имеют место случаи воровства. В общежитиях нет радио, нет красных уголков, нет газет, политико-воспитательная работа среди жильцов не проводится.

В совершенно невыносимые условия поставлены семейные рабочие. 90 % из них размещены в домах, не подготовленных к зиме, стены домов не проконопачены, в окнах одинарные рамы, подоконники не утепли-

лены, в комнатах нет очаговых плит, и рабочие вынуждены готовить пищу на открытом огне в голландских печах. Печи не отремонтированы, поэтому нет никакой разницы между температурой внешней и внутри этих домов. Семейные рабочие не обеспечены насущно необходимой мебелью, нет столов, табуреток, нет кроватей, не все обеспечены топчанами и постельными принадлежностями, матрасы не набиты. Не имея топчанов и постелей, многосемейные укладывают своих детей на холодном полу, многие дети простужены и болеют. У большинства семей нет кухонной и столовой посуды, нет ведер, тазов, корыт, умывальников, вода не подвозится, внутренние уборные в домах не работают.

Абсолютное большинство детей школьного возраста не посещают школу из-за отсутствия верхней одежды и обуви, по этой же причине многие дети дошкольного возраста не посещают детские садики. Рабочие дрова не получают и, чтобы обогреть свое жилье и приготовить пищу, вынуждены воровать на шахтах и в цехах топливо. Большая часть рабочих не имеет зимней одежды и обуви. Все эти завербованные рабочие-одиночки и семейные в большей своей массе либо де-

мобилизованные из армии или семьи погибших на фронте. Значительная часть из демобилизованных имеет многократные правительственные награды.

<...> Просим обсудить на бюро обкома ВКП(б) поведение управляющего Дегтярским рудником тов. Малкина о неудовлетворительном устройстве быта завербованных рабочих.

Зам. зав. Отделом

Металлургии обкома ВКП(б) /Шевченко/»¹.

Подводя итоги нашего небольшого исследования, можно сделать следующие выводы.

Жилищно-бытовые условия населения Свердловской области в целом и до Великой Отечественной войны были далеко не самыми лучшим. В условиях же войны при громадном наплыве эвакуированных и репатриированных граждан они стали просто очень нетерпимыми. При этом, естественно, в самых тяжелых жилищно-бытовых условиях оказались наиболее незащищенные граждане, прибывшие в регион не по своей воле и в силу чрезвычайных обстоятельств. Именно об этом с большой степенью убедительности говорят процитированные нами архивные документы.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 148. Л. 65-67.

Библиографический список

1. Витман Б.В. Шпион, которому изменила Родина / Б. В. Витман. – Казань : ЭЛКО-С ЛтД, 1993. 328 с.
2. Демоскоп-Weekly // Всесоюзная перепись населения 1959 года. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (дата обращения: 26.03.2022).
3. Кириллов В.М. Общие закономерности и специфика содержания трудмобилизованных российских немцев в лагерях принудительного труда на Урале // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Т. 15. 2015. С. 30-34.
4. Мотревич В.П. Кладбища военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале / В. П. Мотревич // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 1. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – С. 81-85.
5. Шувалов Е.Л. Краснотурьинск, Карпинск, Североуральск, Волчанск. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1958.

V. Mamyachenkov

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation, doctor of historical sciences; mamyachenkov@mail.ru

HOUSING AND LIFE CONDITIONS OF CITIZENS TEMPORARILY IN THE TERRITORY OF THE SVERDLOVSK REGION, IN 1945–1946: WHAT THE ARCHIVE DOCUMENTS SAY

The article deals with issues related to the living conditions of vulnerable categories of citizens in the period immediately after the end of the Great Patriotic War. The source base for writing the article was archival materials from the funds of the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDPOSR).

Emphasis is placed on the fact that the conditions of their life and residence were the most difficult. It is emphasized that often local authorities and chiefs showed unacceptable indifference to newly arrived citizens for temporary residence.

Keywords: Great Patriotic War; Sverdlovsk region; living conditions; repatriated and recruited citizens.